

Гармоническая личность: структура, механизмы развития, индивидуальные различия

Е.Д. Божович*,
ФГБНУ ПИ РАО Москва, Россия,
elenabozhovich@inbox.ru

Статья посвящена анализу понятия «гармоническая личность», ее устоявшимся и спорным характеристикам. Представлена концепция структуры и источников развития этого психологического феномена, созданная Л.И. Божович. Проанализированы функции внутреннего интеллектуального плана как основного механизма преодоления мотивационного конфликта, ведущего к дисгармонизации личности. Выдвинута гипотеза о том, что при разных способах разрешения подростком такого конфликта внутренний интеллектуальный план варьирует по содержанию и речевому оформлению. Приведены эмпирические данные, подтверждающие это предположение.

Ключевые слова: гармоническая личность, мотивационные тенденции, внутренний интеллектуальный план, внутриличностный конфликт, нравственная проблемная ситуация, нравственные нормы, проективные методы исследования.

Harmonic Personality: Structure, Developmental Mechanisms, Individual Differences

E.D. Bozhovich,
Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia,
elenabozhovich@inbox.ru

The paper analyses the concept of “harmonic personality”, its established and controversial features. It outlines the structure and origins of this psychological phenomenon as they were described by L.I. Bozhovich. Also, the paper reviews the functions of the inner intellectual plan as the basic mechanism for overcoming the motivational conflict that leads to disharmonious personality. It is argued that the inner intellectual plan in adolescents varies in content and verbal expression depending on the ways of dealing with such conflict. The paper provides empirical data supporting this assumption.

Keywords: harmonic personality, motivational tendencies, inner intellectual plan, intrapersonal conflict, moral challenge, moral norms, projective research methods.

Гармоническая личность: понятие и феномен

Проблема структуры, источников и динамики развития гармонической личности — одна из древ-

нейших в философии и психологии. Она входила еще в круг интересов мыслителей Античности (Платон, Аристотель), философов и педагогов средних веков и Нового времени; особенно четко обозначилась в эпо-

Для цитаты:

Божович Е.Д. Гармоническая личность: структура, механизмы развития, индивидуальные различия // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 2. С. 91–98. doi: 10.17759/chp.2019150211

For citation:

Bozhovich E.D. Harmonic Personality: Structure, Developmental Mechanisms, Individual Differences. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* = *Cultural-historical psychology*, 2019. Vol. 15, no. 2, pp. 91–98. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2019150211

* Божович Елена Дмитриевна, доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник, Психологический институт имени Л.Г. Щукиной (ФГБНУ ПИ РАО), Москва, Россия. E-mail: elenabozhovich@inbox.ru
Bozhovich Elena Dmitrievna, PhD in Psychology, Leading Research Fellow, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia. E-mail: elenabozhovich@inbox.ru

хи Ренессанса и Просвещения (Коменский, Руссо). На протяжении истории изучения этой проблемы изменялись содержание, объем и терминологическое обозначение самого понятия. Впрочем, оно и до сих пор обозначается по-разному: гармоническая, гармоничная, интегрированная, внутренне согласованная личность, свободная от конфликтов эго и т. д.

Вместе с тем в ходе его научной разработки оно было отделено от ряда близких, но не тождественных понятий. И это разделение понятий можно считать устоявшимся в науке, разделяемым большинством психологов. В частности, были содержательно разведены понятия всесторонне развитой и гармонической личности (правда, педагогика все еще не полностью освободилась от их смешения), гармонической личности и гармонического развития личности, дисгармоничность развития личности и внутренние противоречия, являющиеся движущими силами ее развития.

Примечательно, что в справочной литературе крайне редко можно встретить отдельные статьи, раскрывающие понятие «гармоническая личность», и в статьях, определяющих понятие «личность», как правило, едва-едва затрагивается это ее качество — гармоничность или гармония. Строгого определения это понятие пока не получило.

Попытки развернуть и конкретизировать на теоретическом и эмпирическом уровне понятие гармонической личности предпринимались и предпринимаются до сих пор. При этом авторами не всегда используется этот термин, но, по существу, речь идет именно о гармонии в личности и бытии человека. Среди наиболее значительных, на наш взгляд, работ по этой тематике можно назвать труды представителей гуманистической психологии А. Маслоу и К. Роджерса; они называют такую личность здоровой. Ее центральной характеристикой А. Маслоу считал потребность и способность индивида к самоактуализации, т. е. развитию и как можно более полной реализации своих возможностей [10]. К. Роджерс определял здоровую личность как полноценно функционирующую, т. е. прежде всего открытую опыту, принимающую себя, доверяющую себе и своему организму, творческую [13]. Признаки (целостные характеристики) здоровой личности, описанные этими учеными, составляют обширные списки¹.

Трудно освободиться от впечатления, что речь идет не о реальных личностях, а о некоей модели идеальной личности. Это подтверждается и выбором лексики для ее описания: «глубина отношений с окружающими», «комфортные взаимоотношения с реальностью», «простота и естественность», «свежесть восприятия», «чувство общности с человечеством», «демократичность», «морально-нравственная устойчивость», «креативность», «стремление быть настоящим», «внутренняя свобода» (причем свобода и от культурных влияний, правда, не столь категорично провозглашаемая, как в системе идей

Ж.Ж. Руссо). Действительно, все эти признаки имеют прямое отношение к понятиям гармонии и гармоничности. Сквозь них не просвечивают возможные внутренние противоречия или разобщенность со средой, хотя они не обязательно порождают внутренний дискомфорт и ведут к дисгармонизации личности.

Вполне возможно, что концепции А. Маслоу и К. Роджерса изначально были направлены на построение модели идеальной личности. Их эмпирическая апробация показала, что личности, воплощающие все указанные качества, встречаются крайне редко. А. Маслоу обнаружил лишь одного студента колледжа, обладающего этими качествами. (Всем остальным студентам надо поставить диагноз — нездоровая личность!?). К. Роджерсу эта модель была нужна для психотерапевтической работы, и судя по его известности и научному авторитету, данная модель способствовала успешности этой работы. Однако возникает вопрос: его клиентами были люди с некоторыми внутренними проблемами или в целом «нездоровые» личности?

В нашей психологии дисгармоничность личности нередко связывают с патопсихологическими процессами развития и/или эффектами затяжных кризисов развития, депривацией психического развития в детстве; а исключительно положительные характеристики здоровой (гармонической) личности встречают понимание и позитивное принятие. На их основе проводятся эмпирические исследования. Так, О.И. Мотков, опираясь на работы зарубежных и отечественных психологов, собрал в обобщенный список 20 признаков гармонической личности и выяснил, что представители разных возрастных групп различаются по признанию ценности каждого из этих качеств [11]. Но это другая плоскость проблемы: высокая оценка респондентами тех или иных из этих качеств не означает обладание ими и/или отсутствие противоположных качеств у одной и той же личности.

Применительно к реально существующим и действующим людям, гармоническая личность едва ли может характеризоваться только положительными качествами. Мы разделяем позицию Л.Н. Собчик, выраженную в ее теории ведущих тенденций: гармоничность личности определяется балансом, уравновешенностью разных, в том числе и противоположных, индивидуально-типологических свойств. Именно их сбалансированность способствует успешной адаптации человека к различным жизненным условиям, самостоятельному разрешению проблемных ситуаций, снижает потребность в посторонней помощи [16]. При этом акцентуированная (вероятно, дисгармоническая) личность далеко не всегда является невротизированной, патологической; она может проявлять себя как креативная, успешно самореализующаяся, интересная для окружающих.

Вернемся, однако, к тем сугубо позитивным качествам гармонической личности, которые широко распространены и, на первый взгляд, общеприняты. Все эти признаки могут быть объединены в крупные

¹ Объем статьи не позволяет привести эти и другие списки признаков гармонической личности, поэтому отсылаем читателя к указанным в тексте источникам.

блоки, что, позволяет обозначить емкие обобщенные (условно говоря, категориальные) характеристики гармонической личности:

а) согласие («единство») человека с миром и умение выстраивать с ним оптимальные взаимоотношения;

б) согласие с самим собой, сбалансированное внутреннее состояние;

в) следование нравственным нормам, определяющим мировоззрение личности и тем самым принятие ею собственной целостности.

Уже в этих предельно общих положениях начинает проявляться неясное, неустоявшееся, спорное в проблематике гармонической личности.

Во-первых, согласие человека с миром и самим собой — это не более чем образные выражения, требующие раскрытия, конкретизации их психологического содержания. Мир слишком сложен, многообразен, общество в любой исторический период не свободно от противоречий. Если согласие с миром — это принятие его таким, каков он есть, то при чем тут единение личности с ним? Внутренняя свобода, в частности от влияний культуры, тем самым верность своей системе взглядов так или иначе ведет к разобщенности с определенной частью мира. А самокритичность, неудовлетворенность своими достижениями есть несбалансированность отношений с самим собой? Все это симптомы личностной дисгармонии?

Во-вторых, все положительные признаки гармонической личности даны как согласованные между собой. Бесспорно ли это? Человек с низким уровнем нравственного развития или автономной (несовпадающей с конвенциональной) моралью, вполне может быть безмятежен в принятии себя, нахождении способов взаимодействия и общения с окружающими, выстраивания с ними оптимальных отношений.

В-третьих, сам тезис о принятии нравственных норм и следовании им для сохранения целостности собственной личности наталкивается на многообразие и динамичность этих нормативных систем. Вспомним резкую смену идеологических, в том числе нравственных, установок в 90-е годы XX века в нашей стране. Кроме того, в философии и психологии вполне обоснованно различают конвенциональную мораль и индивидуальные нравственные устойчивости личности, что далеко не всегда совпадает [20]. Сама конвенциональная мораль варьирует в разных обществах и отдельных сообществах внутри единого общества. Наконец, она исторически изменчива, поэтому различны и культурные регуляторы нравственного поведения. Полная свобода от них и полная согласованность с ними практически невозможны, что убедительно показано в одной из статей И.С. Кона [9].

В отечественной психологии проблема развития гармонической личности приобрела актуальность примерно в середине XX века. Конкретизация этого понятия, изучение ее природы, механизмов и динамики развития такой личности предприняты, в частности, Б.И. Додоновым и Л.И. Божович.

Б.И. Додонов считал личность гармонической, если она имеет «стержень» — направленность. Это психологическое образование организует, иерархически вы-

страивает мотивационную сферу человека, придает ей устойчивость. Процесс становления направленности личности и является механизмом ее гармонического развития [7]. В этой концепции отсутствует тенденция придать гармонической личности сугубо положительные характеристики; сама направленность может быть альтруистической, эгоистической, эгоцентрической, коллективистической, деловой. Но любой из этих типов направленности не исключает гармоническую структуру личности как целостной психологической системы.

Л.И. Божович в ходе разработки этого понятия сосредоточила внимание на возможных внутренних противоречиях и их функции в онтогенезе личности [1; 2]. Причем она более отчетливо показала процессы и условия личностной дисгармонии, формирующейся в период детства. Но анализ этих процессов и условий позволяет понять, что должно в ходе воспитания ребенка способствовать развитию гармонической личности.

Далее остановимся более подробно на позициях Л.И. Божович, которые основаны на результатах исследований, проведенных под ее руководством в 60—80-е гг. XX в. лабораторией психологии личности НИИ ОПП СССР (ныне лаборатория практической психологии ПИ РАО).

Затем кратко приведем результаты исследования, проведенного под нашим руководством, с одной стороны, подтверждающего идеи Л.И. Божович, с другой — уточняющего некоторые методологические аспекты эмпирического исследования гармонической личности.

Природа и структура гармонической/дисгармонической личности в концепции Л.И. Божович

Основные положения концепции Л.И. Божович, относящиеся к проблеме развития гармонической личности, сводятся к следующему.

Гармоничность/дисгармоничность личности определяется соотношением ее сознательных стремлений и непосредственных, обычно неосознаваемых, желаний, иными словами, соотношением сознательных и бессознательных мотивационных тенденций.

Согласованность этих тенденций или преодолеваемые самой личностью противоречия между ними обуславливают развитие гармонической личности. Рассогласование этих тенденций, если они одинаково сильны и несовместимы, может приводить «к острейшим аффективным конфликтам, искажающим и даже ломающим человеческую личность» [1, с. 265]. Переживания, возникающие в этих конфликтах, становятся «источником и показателем формирования дисгармонической личности» [там же]; причем само наличие внутреннего конфликта субъектом (особенно ребенком) не осознается.

Конкретными источниками и одновременно условиями дальнейшего углубления дисгармонии личности становятся, в частности, противоречие между сложившейся самооценкой и уровнем притязаний, возможная неуверенность в себе при любом уровне

самооценки и притязаний, столкновение между эгоистическими и альтруистическими мотивами поведения в совместной деятельности и т. п. Результатом устойчивых внутренних конфликтов становятся развитие защитных форм поведения («смыслового барьера», «аффекта неадекватности», описанного в ряде публикаций сотрудников лаборатории Л.И. Божович, [12; 14]; эгоцентрическая направленность личности; нарушение отношений ребенка со сверстниками и взрослыми и другие негативные для развития личности последствия [3; 4].

Аффективные формы поведения, первоначально проявляющиеся в отдельных ситуациях, постепенно закрепляясь как привычные, превращаются в черты характера и качества личности, такие как заносчивость, замкнутость, обидчивость, упрямство, агрессивность, подозрительность; для таких детей характерны тревожность, эмоциональная подавленность, чувство одиночества, неприятие себя.

Как показал обзор источников, относящихся к разным научным направлениям (неофрейдизму и гуманистической психологии), сделанный Т.А. Флоренской [18], этот список качеств дисгармонической (невротической) личности во многом совпадает в отечественных и зарубежных исследованиях. Основной причиной формирования такой личности в детстве являются педагогические ошибки взрослых, которые, воздействуя на ребенка, не учитывают его актуальные, эмоционально острые потребности, что усиливает внутренний конфликт, а иногда порождает дополнительный конфликт, поскольку у ребенка начинает действовать еще одна, как правило фрустрирующая, потребность — соответствовать требованию взрослого².

Вместе с тем при конфронтации разных мотивационных тенденций, усиленных или не усиленных педагогическими ошибками, не обязательно формируется дисгармонический тип личности. Психологическими причинами этого негативного процесса являются два основных фактора: а) эмоциональная острота внутреннего конфликта, б) его длительность. При отсутствии этих факторов разнонаправленные мотивационные тенденции могут выступать как движущие силы развития личности, способствующие преодолению субъектом рассогласования этих тенденций и выбору определенной линии поведения.

Внутренний интеллектуальный план — механизм преодоления внутреннего конфликта

Эмпирические материалы, накопленные в исследованиях научной школы Л.И. Божович, свидетельствуют о том, что школьник-подросток способен самостоятельно преодолеть возникший внутренний конфликт. Механизм этого преодоления обозначен как «внутренний интеллектуальный план» [5]. Он представляет со-

бой рассуждение, в котором ребенок анализирует саму ситуацию, взвешивает все «за» и «против» принятия того или иного решения, действия и их последствия.

Этот процесс лежит в основе формирования намерения — выбора непривлекательного, но оцениваемого как необходимого действия, способов и средств его выполнения. Вместе с тем внутренний интеллектуальный план может блокироваться эмоционально напряженной непосредственной потребностью или выстраиваться как подбор аргументов в пользу этой потребности. Само рассуждение во внутреннем интеллектуальном плане, конечно, реализуется на уровне сознания. А его реальная функция — регуляция процесса борьбы мотивов и собственных переживаний — не осознается. Субъективно это рассуждение выступает просто как выбор предстоящих действий или форм поведения.

Причем внутренний конфликт, границы его осознания и способы разрешения субъектом анализировались в научной школе Л.И. Божович не только в отношении ситуаций, связанных с учебной деятельностью детей. Исследования проводились и на материале нравственных проблемных ситуаций [3; 6]. Сама Лидия Ильинична неоднократно обращалась к образу Родиона Раскольникова, рассматривая «раскол» его личности, который вынудил героя построить собственную теорию (или «арифметику»), позволившую поддержать эмоционально отторгаемое намерение.

Понятно, что рассуждение, развертывающееся во внутреннем интеллектуальном плане вариативно в зависимости от содержания внутреннего конфликта — противоборствующих мотивов. При разрешении нравственных проблемных ситуаций рассуждение не локализуется в сфере столкновения, к примеру, учебного долга и непосредственного желания развлекаться. Нравственный внутриличностный конфликт «притягивает» массу более широких социальных аспектов, которые, как показано И.С. Коном, вариативны, исторически подвижны. Поэтому в этом плане переплетаются, а иногда сливаются индивидуальные собственно психологические и социопсихологические факторы. Влияние этих факторов и их функция в разрешении конфликта, а главное — содержание самого внутреннего рассуждения в случаях принятия того или иного решения требуют дальнейших исследований.

Попытаемся показать различия внутреннего интеллектуального плана, направленного на поддержку конкретных решений в нравственной проблемной ситуации. Затем вернемся к вопросу о гармоничности/дисгармоничности структуры личности и возможных внутренних индикаторах этого ее качества.

Программа и методика исследования

Исследование было проведено под нашим руководством выпускницей МГППУ Д.И. Соловьевой в конце 90-х гг. XX в. [17]. Проблема этого эмпириче-

² Вероятно, это не единственная причина возникновения внутреннего конфликта и последующей дисгармонизации личности, но понимание ее очень важно для педагогической практики.

ского исследования сводилась к следующему: каковы различия внутреннего интеллектуального плана при разных типах разрешения нравственной проблемной ситуации, порождающей внутренний мотивационный конфликт.

Предполагалось, что различия во внутреннем интеллектуальном плане при разных типах разрешения нравственной проблемной ситуации проявятся не только в содержании рассуждения испытуемых, но и в его речевом оформлении. Задачи работы состояли в следующем:

— выяснить, какое решение примут подростки в заданной проблемной ситуации, если представлена не только событийная сторона этой ситуации, но и сопровождающий ее внутренний конфликт;

— каковы различия внутреннего интеллектуального плана, определяющего то или иное разрешение самой проблемной ситуации и внутреннего конфликта.

Работа проводилась посредством проективной методики — незаконченного рассказа. Испытуемыми были подростки — ученики обычной общеобразовательной школы (N=87, VIII—IX классы). В исходной (заданной) части рассказа описывалась ситуация, в которой герой рассказа — мальчик, страстно желающий иметь собаку, слышит по радио сообщение о потерявшейся собаке с описанием ее примет. Просьба хозяев к нашедшему ее сообщить им об этом по телефону и вернуть собаку за вознаграждение. Объем статьи не позволяет представить полный текст рассказа (он составляет примерно три четверти страницы формата А-4). Задача испытуемых — завершить текст рассказа. Отметим только, что линия борьбы мотивов героя — вернуть собаку или оставить себе, если удастся ее найти, и описание его переживаний — заложена в исходную часть рассказа, т. е. внутренний конфликт не может быть не осознан школьниками. При этом, конечно, возможная идентификация с героем и внутренний конфликт самих испытуемых может оставаться за пределами сознания.

Результаты и их интерпретация

Обратимся к результатам исследования — анализу текстов завершения рассказа, написанных испытуемыми. Прежде всего отметим, что в целом ряде текстов испытуемые (особенно восьмиклассники) по ходу развития сюжета своей концовки рассказа подменяют имя героя рассказа местоимением Я. Это сам по себе тривиальный факт, часто упоминаемый в работах с использованием проективных методик. Вместе с тем он указывает на принятие подростками самой ситуации как нравственно проблемной *для себя*, имеющей для них не только значения, но и смыслы.

Количественные данные собранного материала распределились так. Эгоистическое решение (оставить

собаку себе) приняли за героя по 10,5% испытуемых восьми- и девятиклассников. Альтруистическое решение (вернуть собаку хозяевам) приняли 84,2% восьмиклассников и 68,5% девятиклассников³. Уклонились от решения (собаку искал, но не нашел; или нашел, привел домой, но звонить не стал: *«Пусть мама позвонит»*, *«Оказалось, что номер телефона неправильный»* и т. п.) 5,3% восьмиклассников, 21% девятиклассников. Уход от решения обнажает неразрешенность внутреннего конфликта⁴. Как видим, по этим данным довольно отчетливо выделяется два основных типа принятых решений с преобладанием альтруистического выбора.

Но еще выразительнее различия содержания и речевого оформления текстов, написанных испытуемыми этих двух категорий. Тексты, отражающие эгоистическое решение, более лаконичны, четки, чем тексты с описанием процесса принятия и реализации альтруистического решения. Все концовки рассказа с эгоистическим решением содержат обвинение пострадавшей стороны (*«Потерял собаку. Сам виноват. Оставлю ее себе»*), некоторые — обесценивание переживаний хозяев и самооправдание ссылкой на свои переживания (*«Зачем она им нужна? Успокоятся и заведут другую. А я к ней уже привык»*). Такие решения вполне согласуются с идеологическими тенденциями 90-х гг. XX в.: разрешено все, что не запрещено законом. А так называемые неписанные законы, видимо, выпадали из поля внимания некоторой части общества, а значит, и детей. Есть тексты, содержащие сентенции такого рода: *«Завел какое-нибудь животное — несешь за него ответственность»*, *«Потерял — ищи, а не пиши жалобные объявления: потерялась, помогите найти»*. Контент-анализ этих текстов показал, что в их лексическом составе широко представлены слова: *виноват, должен, действуй сам* и т. д., а также императивные синтаксические конструкции.

Тексты же, отражающие альтруистическое решение, более объемны, развернуты, детализированы, некоторые излишне многословны. Они содержат развитие темы, заложенной в исходную часть рассказа, — борьбы мотивов, которая проявляется в отсрочивании героем окончательного принятия решения и/или его реализации (*«...позвоню, но попозже»*, *«Завтра обязательно позвоню и отдам»*), попытка обесценивания объекта желаний, тем самым понижение напряженности противоречивых эмоций, сопровождающих проблемную ситуацию (*«она сгрызла игрушку»*, *«испачкала постель»*). Задача принята учениками именно как нравственная, имеющая личностный смысл для подростка и одновременно — эмоционально трудная.

Кроме того, в этих текстах содержится масса указаний на внешние, социальные по своей природе, стимулы принятия и реализации решения (*«Родители напоминают, ругаются»*, *«Мама не выдержала: Что*

³ Заметим, что мы получили всего лишь одно формальное, тоже очень краткое, завершение рассказа: «Нашел собаку в городе. Позвонил хозяевам, и они за ней приехали. Я получил вознаграждение». Судя по тексту, ситуация вообще не принята подростком как важный нравственный конфликт, поэтому концовка рассказа имеет чисто событийное содержание.

⁴ Среди них две работы с неадекватным разрешением внутреннего конфликта. В одной из них история заканчивается гибелью собаки при случайных обстоятельствах, в другой — суицидальным поступком героя. Можно полагать, что эти два подростка нуждаются в психоаналитическом обследовании, которое предпринимали уже не мы.

мне самой звонить?); поддержки другими людьми решения и поступка героя («Он побрел по адресу хозяев собаки. Мама увидела его в окно, быстро оделась, догнала его и молча пошла рядом»); проникновения в переживания хозяев собаки и даже предположения о возможной тоске по ним самого животного («Наверное, волнуются, а может быть, ищут своего пса по всему городу», «Лежит на полу и молчит, наверное, тоже грустит по хозяевам»); морального удовлетворения (у героя рассказа появились новые друзья — хозяева собаки, сопереживание радости их самих и собаки при встрече, приглашение навещать ее, гулять с ней); наконец, аналога материальной компенсации, обещанной в объявлении («От денег он отказался: Ну что вы, не стоит». А дома его ждала большая радость: «... вернулся домой и в прихожей увидел папу. Рядом стоял маленький щенок немецкой овчарки и вилял хвостом»). В работах некоторых учеников обрадованные хозяева пообещали щенка от найденной им собаки).

Есть и некоторые аспекты, относящиеся к Я-концепции, в частности, выражение стремления к сохранению самоуважения («Оставить себе. Но это нечестно. Нет, я так не могу»). Контент-анализ этих текстов показал, что в их лексическом составе широко представлены слова, выражающие чувства: *беспокойство, волнение, тоска, грустит, ужасно хочется, вздохнул, радость, мечтал* и др.

Встает вопрос: какую функцию выполняет развернутая вербализация всех этих моментов принятия и реализации альтруистического решения, идущего вразрез с непосредственным желанием? Ведь объективно альтруистическое решение может быть выражено так же лаконично, как эгоистическое. По механизму — ту же самую, что описана в работах школы Л.И. Божович: функцию регуляции субъектом своих переживаний во внутренней конфликтной ситуации и преодоления давления непосредственной эмоционально острой, но нравственно неприемлемой потребности. Однако по личностному контексту эта функция гораздо шире, чем выбор между «хочу» и «надо», «можно» и «нельзя» и чем мысленное взвешивание последствий того или иного решения.

Подросток расширяет рассуждение во внутреннем интеллектуальном плане целым рядом не только психологических, но и социопсихологических факторов: потребностью соответствовать требованию конвенциональной морали — не присваивать то, что по праву принадлежит другим; эмпатией к пострадавшей стороне; поддержкой близкими уже принятого героем рассказа (а значит — испытуемым) решения; наградой за свою порядочность — материальным, но не денежным, вознаграждением.

Все это уравнивает противоречивые переживания, ослабляет мотив к нравственно неприемлемому поступку, позволяет сохранить самоуважение. Развернутое рассуждение во внутреннем интеллектуальном плане при разрешении описанной проблемной ситуации можно понимать как своего рода копинг (хотя такой тип копинга пока не описан). Он близок, но психологически не идентичен одному из описанных видов копинга — «рационализации», ко-

торая предназначена, однако, лишь для подтверждения целесообразности принятого решения, независимо от его характера.

А развернутая вербализация процесса и результатов разрешения внутреннего конфликта выступает как *инструмент, средство* копинг-стратегии, направленной на преодоление внутреннего конфликта. В ситуации этого конфликта такой инструмент становится не просто фоновым фактором его разрешения, но, возможно, одним из психологических условий и «проживания» субъектом самой ситуации, и поддержки сложившегося самоотношения.

Вообще, многие труды по психолингвистике свидетельствуют о том, что речевые процессы и их различия являются одним из индикаторов психического развития человека, качеств личности, характерологических особенностей. Поэтому рассуждение во внутреннем интеллектуальном плане должно, по нашему мнению, рассматриваться не только по выраженной в нем мысли, но и по ее речевому оформлению — развернутости/лаконичности, лексике, паузальному делению, стилистике. Часто именно они показывают глубину конфликта и принятие/непринятие проблемной ситуации. Форма, как известно, сама по себе содержательна. Заметим, что внутренний конфликт может быть осознан (в нашем эксперименте он просто заложен в методику). А вот осознаны ли выбор копинг-стратегии в качестве способа разрешения ситуации и нахождение инструмента для этого способа — это вопрос открытый, он требует дальнейших исследований.

Возникает вопрос: при каком из этих двух типов разрешения нравственной проблемной ситуации мы можем констатировать гармоничность личности? На наш взгляд, и в том, и в другом. Дети, принявшие эгоистическое решение, судя по их текстам, уверены в своей правоте, спокойны, рассудительны; апеллируют в своих сентенциях к справедливым требованиям ответственности по отношению к домашним животным; оценивают свое решение как объективно честное. Это словно бы освобождает их от другого ракурса проблемной ситуации — эмпатии по отношению к пострадавшей стороне, в их внутреннем интеллектуальном плане этот ракурс просто отсутствует.

Дети, принявшие альтруистическое решение, напротив, выделяют именно тот ракурс проблемной ситуации, который связан с межличностными отношениями. Важнейшим параметром гармонической структуры личности в этом случае является поиск способов и средств преодоления внутреннего мотивационного конфликта в направлении принятия того решения, которое они считают нравственно приемлемым для них самих.

И последняя короткая ремарка. При использовании проективных методик испытуемые разрешают в вербальном плане фактически заданный им внутренний конфликт. Можно ли переносить полученные данные на их реальное поведение в подобных ситуациях? В полной мере, конечно, нет. Некоторые (правда, немногие) из наших испытуемых в индивидуальных беседах после эксперимента признавались, что не уверены в том, что поступили бы именно так, как написали. Иногда давали неопределенный ответ

с апелляцией к некоторым конкретным моментам решения (*Смотря, какая собака. Мне породистую хочется. Сам не знаю...*). Но проективные методики и не предназначены для изучения реального поведения, они эффективны только для изучения мотивационной сферы, шире — мировоззрения и личностных смыслов субъекта.

Нужны, однако, более строгие процедуры анализа эмпирических материалов, полученных по этим методикам. Рассмотрения только эксплицированного в тексте содержания и/или проведения его контент-анализа недостаточно, есть имплицитные моменты речевого высказывания. Для проникновения в них более подходит метод интен-анализа, разрабатываемый сейчас в ИПРАН [15].

Выводы

Итак, возвращаясь к проблеме гармонической личности и самым общим определениям этого понятия, приведенным в начале статьи, отметим следующее. «Согласие («единство») человека с миром и умение выстраивать с ним оптимальные взаимоотношения» во многом зависят от господствующих идеологических тенденций в самом мире. «Следование нравственным нормам, что обеспечивает принятие личностью собственной целостности» варьирует в зависимости от индивидуального выбора самих норм, которые могут различаться в условиях одного и того же общества. Рассогласование индивидуальных идеологических (этических) норм и официально закрепившихся необязательно порождает внутренний конфликт и ведет к дисгармонизации личности; человек просто осознанно занимает и готов отстаивать свою жизненную позицию.

Тезис Л.И. Божович об источниках внутреннего конфликта безусловно справедлив в отношении тех случаев, когда разные пласты этих норм порождают сосуществование (не всегда мирное) различных мотивационных тенденций в структуре одной и той же

личности. Причем одна из этих тенденций принята личностью на уровне сознания, другая «прячется» в сфере бессознательного.

«Согласие с самим собой, сбалансированное внутреннее состояние» и/или противоречия, возникающие во внутреннем мире человека, могут отчетливо осознаваться. И тогда они не становятся источником невроза или разрушительных процессов в развитии личности. Ситуации выбора поступка, форм поведения — это очень частое явление в жизни любого человека; в этих ситуациях всегда действуют разнонаправленные мотивационные тенденции. На уровне осознания и ситуации, и своих стремлений личность достигает внутреннего согласия, баланса посредством разных механизмов и/или разных функций одного и того же механизма и его инструментального обеспечения наличными психологическими ресурсами личности. Одним из этих механизмов является (по Л.И. Божович) внутренний интеллектуальный план — эмоционально заряженное рассуждение о возможностях и последствиях принятия личностью того или иного решения.

Но остается недостаточно изученной процессуальная сторона этого механизма. Как мы попытались показать в эмпирической части нашего исследования, рассуждение строится по-разному при поддержке разных решений: может быть предельно лаконичным или широко развернутым, лексически дифференцированным, синтаксически сложным или упрощенным. Возможны и какие-то еще, пока эмпирически не обнаруженные языковые особенности рассуждения во внутренне конфликтной ситуации.

Развернутая вербализация внутреннего интеллектуального плана не только способствует принятию эмоционально трудного решения, противостоящего непосредственной потребности, но и выполняет инструментальную функцию копинг-стратегии, способствующей снижению эмоциональной напряженности и разрешению внутреннего конфликта. Это те случаи, когда внутренний конфликт осознан человеком. А вопрос о том, осознанно ли применение такой копинг-стратегии пока остается без ответа.

Литература

1. Божович Л.И. Психологический анализ условий формирования и строения гармонической личности // Психология формирования и развития личности / Отв. ред. Л.И. Анцыферова. М.: Наука, 1981. С. 257–284.
2. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Питер, 2008. 398 с.
3. Божович Л.И., Конникова Т.Е. О нравственном развитии и воспитании детей // Вопросы психологии. 1975. № 1. С. 80–90.
4. Божович Л.И., Славина Л.С. Случаи неправильных взаимоотношений ребенка с коллективом и их влияние на формирование личности // Вопросы психологии. 1976. № 1. С. 130–139.
5. Божович, Л.И., Славина Л.С., Ендовицкая Т.В. Опыт экспериментального изучения произвольного поведения // Вопросы психологии. 1976. № 4. С. 55–68.
6. Бочкарева Г.Г. Психологическая характеристика мотивационной сферы подростков-правонарушителей //

References

1. Bozhovich L.I. Psikhologicheskii analiz uslovii formirovaniya i stroeniya garmonicheskoi lichnosti [Psychological analysis of the conditions of formation and structure of the harmonic personality]. In Antsiferova L.I. (ed.), *Psikhologiya formirovaniya i razvitiya lichnosti* [Psychology of the formation and development of personality]. Moscow: Nauka Publ., 1981, pp. 257–284.
2. Bozhovich L.I. Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste [Personality and its formation in childhood]. Saint-Petersburg: Piter Publ., 2008. 398 p.
3. Bozhovich L.I., Konnikova T.E. O npravstvennom razviti i vospitani i detei [On the moral development and education of children]. *Voprosy psikhologii* [Psychology issues], 1975, no. 1, pp. 80–90.
4. Bozhovich L.I., Slavina L.S. Sluchai nepravil'nykh vzaimootnoshenii rebenka s kollektivom i ikh vliyanie na formirovanie lichnosti [Cases of the wrong relationship of the child with the team and their impact on the formation of personality]. *Voprosy psikhologii* [Psychology issues], 1976, no. 1, pp. 130–139.

- Изучение мотивации поведения детей и подростков / Под ред. Л.И. Божович и Л.В. Благоннадежиной. М.: Педагогика, 1972. С. 259–349.
7. Додонов Б.И. Гармоническое развитие и типологическое своеобразие личности // Психология формирования и развития личности / Отв. ред. Л.И. Анцыферова. М.: Наука, 1981. С. 284–305.
8. Изучение мотивации поведения детей и подростков / Под ред. Л.И. Божович и Л.В. Благоннадежиной. М.: Педагогика, 1972. 319 с.
9. Кон И.С. Моральное сознание личности и регулятивные механизмы культуры // Социальная психология личности. М.: Наука, 1979. С. 85–113.
10. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. СПб.: Питер, 2008. 352 с.
11. Мотков О.И. Основные понятия теории природной и гармоничной личности [Электронный ресурс]. М., 2003. URL: <http://old.nkozlov.ru/library/psychology/d1449/> (дата обращения: 10.12.2018).
12. Неймарк М.С. Направленность личности и аффект неадекватности у подростков // Изучение мотивации поведения детей и подростков / Под ред. Л.И. Божович и Л.В. Благоннадежиной. М.: Педагогика, 1972. С. 112–146.
13. Роджерс К. Становление личности: Взгляд на психотерапию: Пер. с англ. М.М. Исениной / Под ред. Е.И. Исениной. М.: Прогресс, 1994. 256 с.
14. Славина Л.С. Дети с аффективным поведением. М.: Просвещение, 1966. 149 с.
15. Слово в действии: Интент-анализ политического дискурса / Под ред. Т.Н. Ушаковой, Н.Д. Павловой. СПб.: Алетейя, 2000. 316 с.
16. Собчик Л.Н. Психология индивидуальности: Теория и практика. СПб: Речь, 2005. 624 с.
17. Соловьева Д.И. Возрастные и индивидуальные особенности разрешения подростками нравственных проблемных ситуаций: дипломная работа / Н рук. Е.Д. Божович. М.: МГППИ, 1998. 105 с.
18. Флоренская Т.А. Исследования одного типа личности в различных психологических концепциях // Новые исследования в психологии. 1974. № 2 (10). С. 21–23.
19. Фридман Л.М. Кулагина И.Ю. Психологический справочник учителя. М.: Просвещение, 1991. 288 с.
20. Kohlberg L. Essays on Moral Development. Vol. 2: The Psychology of Moral Development / Ed. by L. Kohlberg. San-Francisco: Harper and Row, 1984. 580 p.
5. Bozhovich L.I., Slavina L.S., Endovitskaya T.V. Opyt eksperimental'nogo izucheniya proizvol'nogo povedeniya [Experimental study of volitional behavior]. *Voprosy psikhologii* [Psychology issues], 1976, no. 4, pp. 55–68.
6. Bochkareva G.G. Psikhologicheskaya kharakteristika motivatsionnoi sfery podrostkov-pravonarushitelei [Psychological characteristics of the motivational sphere of adolescent offenders]. In Bozhovich L.I. (eds.), *Izuchenie motivatsii povedeniya detei i podrostkov* [Study of the motivation of children' and adolescents' behavior]. Moscow: Pedagogika Publ., 1972, pp. 259–349.
7. Dodonov B.I. Garmonicheskoe razvitie i tipologicheskoe svoebrazie lichnosti [Harmonious development and typological identity of the person]. In Antsiferova L.I. (ed.), *Psikhologiya formirovaniya i razvitiya lichnosti* [Psychology of the formation and development of personality]. Moscow: Nauka Publ., 1981, pp. 284–305.
8. Bozhovich. L.I. (eds.) *Izuchenie motivatsii povedeniya detei i podrostkov* [Study of the motivation of children' and adolescents' behavior]. Moscow: Pedagogika Publ., 1972. 319 p.
9. Kon I.S. Moral'noe soznanie lichnosti i regulativnyye mekhanizmy kul'tury [Moral consciousness of the personality and regulatory mechanisms of culture]. *Sotsial'naya psikhologiya lichnosti* [Social psychology of personality]. Moscow: Nauka Publ., 1979, pp. 85–113.
10. Maslou A. Motivatsiya i lichnost': Per. s angl. [Motivation and personality]. 3–th ed. Saint–Petersburg: Piter Publ., 2008. 352 p. (In Russ.).
11. Motkov O.I. Osnovnye ponyatiya teorii prirodnoi i garmonichnoi lichnosti – [Elektronnyi resurs] [The main concepts of the theory of natural and harmonious personality]. URL: <http://nkozlov.ru/library/psychology/d1449/> (Accessed 10.12.2018).
12. Neimark M.S. Napravlennost' lichnosti i affekt neadekvatnosti u podrostkov [Orientation of personality and affect of inadequacy in adolescents]. In Bozhovich L.I. (eds.), *Izuchenie motivatsii povedeniya detei i podrostkov* [Study of the motivation of children' and adolescents' behavior]. Moscow: Pedagogika Publ., 1972, pp. 112–146.
13. Rodzhers K. Stanovlenie lichnosti: Vzglyad na psikhoterapiyu: Per. s angl. [The formation of personality: A look at psychotherapy]. Isenina E.I. (ed.). Moscow: Progress Publ., 1994. 256 p. (In Russ.).
14. Slavina L.S. Deti s affektivnym povedeniem [Children with affective behavior]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1966. 149 p.
15. Ushakova T.N., Pavlova N.D. Slovo v deistvii: Intent–analiz politicheskogo diskursa [Word in action: Intent–analysis of political discourse]. Saint–Petersburg: Aleteiya Publ., 2000. 316 p.
16. Sobchik L.N. Psikhologiya individual'nosti: Teoriya i praktika [Psychology of individuality: Theory and practice]. Saint-Petersburg: Rech' Publ., 2005. 624 p.
17. Solov'eva D.I. Vozrastnye i individual'nye osobennosti razresheniya podrostkami нравstvennykh problemnykh situatsii [Age and individual characteristics of the adolescent resolution of moral problem situations]. Diploma paper. Supervised by E.D. Bozhovich. Moscow: MGPPPI, 1998. 105 p.
18. Florenskaya T.A. Issledovaniya odnogo tipa lichnosti v razlichnykh psikhologicheskikh kontseptsiyakh [Studies of one type of personality in various psychological concepts]. *Novye issledovaniya v psikhologii* [New research in psychology], 1974, no. 2 (10), pp. 21–23.
19. Fridman L.M. Kulagina I.Yu. Psikhologicheskii spravochnik uchitelya [Psychological reference for teacher]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1991. 288 p.
20. Kohlberg L. Essays on Moral Development. In Kohlberg L. (ed.), *The Psychology of Moral Development*. Vol. 2. San-Francisco: Harper and Row Publ., 1984. 580 p.